

Западня. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://bykovvasil.ru/> Приятного чтения!

Западня. Василий Владимирович Быков

1

Первая атака сорвалась. Охватив подковой высоту, рота пробовала ворваться в траншею на самой ее вершине, но не дошла даже до середины склона. Шквальный огонь немецких пулеметов заставил автоматчиков залечь на голом, скованном утренним морозом косогоре. Вскоре бойцы поняли, что здесь им не удержаться, и перебежками вернулись туда, откуда начали атаку.

Это был глубокий и голый овраг с редкими пятнами еще не растаявшего грязного снега и замерзшим ручьем посередине. Он укрывал от огня, от неослабевающего напора студеного мартовского ветра и давал возможность подготовиться к новой атаке. Немного отдышавшись, ротный – капитан Орловец – позвал к себе командиров взводов и, недовольный и рассерженный, ни на кого ни разу не взглянув, начал:

– Бабы! Заморыши! Какой только дурак вам автоматы дал?!

Натянув на голову воротник полушубка, он лежал на склоне оврага и, держа в зубах сигарку, высекал «катушей» искру. Обломок напильника тупо лязгал о кремь: капитан большим пожелтевшим ногтем прижимал к нему трут – пучок белых ниток, выдернутых из брезентового поясного ремня. Орловец злился, не попадая по нужному месту, и слабая зеленоватая искорка, едва сверкнув под кресалом, тут же гасла. Трут никак не загорался.

Капитану никто не отвечал – ни телефонист Капустин, курносый глазастый парень, который копошился рядом, у обшарпанного ящика УНФ, втянув от стужи голову в широкий расстегнутый ворот шинели, ни молчаливый, хмурый с виду младший лейтенант Зубков, сидевший несколько ниже ротного на поле своей еще не обношенной шинели с новенькими, но уже помятыми погонами. Молчал и лейтенант Климченко.

– Черта с два от нее прикуришь! А ну высекай сам! – рассердившись, сказал Орловец и швырнул связисту его незамысловатое кресало. Связист молча отложил в сторону трубку и, заслонившись от ветра, начал лязгать напильником о кремь. Капитан вынул изо рта сигарку:

– Третий взвод отстал, первый растянулся, как кишка, порядка никакого! Вы командиры" или пастухи, черт бы вас побрал? – говорил он, нахмутив брови и рассерженно глядя на взводных. Зубков от этих слов еще больше сжался, а Климченко вдруг швырнул в овраг кусок мерзлой земли.

– А что вы кричите? Мы что, в овраге отсиживались? Или трусили? Или, заняв высоту, назад драпанули? Фашист вон подойти не дает... – махнул он рукой в сторону высоты. – Его и ругайте!

Капитан злобно взглянул на лейтенанта.

– Ты это что? – выдавил он угрожающе и в то же время будто недоумевая от дерзости подчиненного.

Связист тем временем зажег трут и, приподнявшись на коленях, протянул его капитану. Но Орловец в гневе будто не замечал этого, и ветер напрасно рвал в воздухе тоненькую струйку дыма.

– Ты что, митинговать вздумал? – повторил он.

Лейтенант поднял воротник своего иссеченного осколками полушубка, из дырок которого торчали серые клочья шерсти.

– А то! Хватит на чужом горбу в рай ехать! – запальчиво сказал Климченко и отвернулся. На круглом молодом лице его, с крутым подбородком и шрамом под нижней губой, отразились обида и злость. Ротный сполз с обрыва на каких-нибудь три шага и, перепоясанный ремнями, стал напротив взводного.

– Это кто едет! Я еду? Да?

– Да и вы не прочь! – бросил Климченко.

Он не боялся капитана, хотя знал его крутой нрав, и держался уверенно, потому как сам воевал в этой роте всю зиму, знал каждого бойца так же, как и они знали и ценили его. А Орловец был тут человек новый, и хотя в трусости его никто не упрекнул бы, но все же бойцы недолюбливали капитана за его излишнюю крикливость.

Климченко искоса взглянул на ротного. Однако первая вспышка гнева в нем уже миновала, и взводный, стараясь сдерживать себя, начал каблуком сбивать с обрыва мерзляки; комья земли, подсакивая, наперегонки катились к замерзшему ручью. Ротный, стоя рядом и сдвинув брови на худом, почерневшем от стужи и щетины лице, сквозь зубы угрожающе бросил:

– Попридержал бы язык, болтун!

Климченко вскинул голову:

– Ага! Правда глаза колет!

– Ах, правда?! – вскипел Орловец. – Так и я тебе скажу правду! Твой взвод –

Западня. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
самый худший! Самый разболтанный. Он задержал роту. Он сорвал темп наступления!
Климченко вскочил на ноги, локтем толкнул назад туго набитую кирзовую сумку.
– Мой взвод сорвал? Немцы сорвали! Вот! Шесть ихних пулеметов сорвали. Вы что, не видели? – уже не в силах сдержаться, закричал лейтенант.
Связист, пораженный этой стычкой, раскрыв рот, неподвижно сидел у аппарата.
Зубков согнулся еще ниже и начал старательно счищать землю со своего кирзового сапога. На краю оврага из окопчиков высывались и застывали в немом любопытстве головы в шапках и касках.
– Что это такое?! – топал Орловец своими порыжевшими от подпалин валенками. – Что за болтовня, лейтенант? Вы что, на гулянке или в армии?
Он не договорил: наверху, видно, кто-то неосторожно высунулся из укрытия, и длинная пулеметная очередь с высоты бешено резанула воздух над их головами. На противоположном склоне оврага посыпалась земля и, когда ветер сдул пыль, в мерзлой почве появились свежие ямки от пуль.
Орловец, набычившись, снова повернулся к Климченко:
– Ты у меня дождешься! Я тебя заставлю с одним взводом высоту брать. Тогда запишишь. Умник!..
Лейтенант криво улыбнулся:
– Вот напугали! Ну и пойду со взводом. Только когда возьму – вам докладывать в полк не придется. Сам доложу.
– Ах так?
– Так.
Капитан на полминуты застыл, что-то напряженно решая, а Климченко, стоя вполоборота к нему, ждал. Он и в самом деле готов был атаковать высоту хотя бы и одним взводом. Правда, надеждой на успех себя не тешил, но теперь больше всего не хотел в чем-либо уступить капитану.
Орловец тем временем зло сплюнул и, тяжело ступая валенками, взобрался на склон к телефонисту.
– Ну, где огонь? – вспомнил он о неприкуренной сигарке, которую все еще держал в руке. Связист снова начал звякать кресалом.
– Вот что! – бросил ротный, обращаясь к Климченко. – Я такого не допущу. Болтунам каленым железом языки поприжгу. Ишь, разгильдяй, распустил вас!
Это был намек на бывшего командира роты старшего лейтенанта Иржевского, раненного неделю назад. В полку о нем говорили разное, по Климченко знал, что командир тот был стоящий и был бы еще лучше, если бы умел ладить с начальством.
– Будь некоторые ротные такие, как Иржевский, уже на высоте пообедали бы, – сказал лейтенант.
– Что? Защищаешь?.. Понятно: коллективку устроили.
Климченко промолчал.
– Ладно, – уже мягче сказал Орловец. – На этом точка. И чтоб мне ни-ни... Я здесь командир, а не пастух. Поняли? А теперь давай сюда!
Зубков, не понимая причин перемены в настроении командира роты, медленно встал, отряхивая с шинели песок, а Климченко, насупившись, стоял внизу. Тогда капитан, сменив тон, нарочито грубо крикнул:
– А ну, чего надулись, как суслики? Давай ближе, говорю!
Зубков, пригнувшись, послушно подошел к капитану, Климченко, немного помедлив, также полез вверх.
На голом овражном склоне дул свирепый морозный ветер. Разгоряченные недавней атакой люди начали остывать. Лейтенант потуже затянул ремень и неохотно придвинулся к командиру роты. Лицо его по-прежнему было отчужденным и мрачным.
Капитан тем временем прикурил, глотнул дыма, окинул взводного испытующим, но уже незлобивым взглядом и вытащил из-за пазухи карту:
– Так. Все. Точка! Слушай задачу. Ударим снова...

2

Спустя пятнадцать минут атаковали.

Без единого выстрела, все разом высыпали из оврага и бросились на высоту.
Немцы вначале молчали: может, не заметили их, а может, выжидали, и с минуту в ветреном мартовском просторе был слышен только беспорядочный топот полусотни пар ног. Люди продрогли за утро на глинистой промерзшей земле и потому сразу же дружно рванулись вперед. Однако путь их лежал в гору, бежать было далековато, и первого запаха хватило ненадолго. Правый фланг взвода вскоре загнулся, начал отставать. Это не предвещало ничего хорошего, но Климченко не решался нарушить тишину – не стал кричать на младшего сержанта Голаногу, который командовал правофланговым отделением. Сжав в руке пистолет с ремешком, одним концом прицепленным к поясу, лейтенант бежал вместе со всеми как можно быстрее, туда, в гору, где, подготовив пулеметы, ждали их немцы. Слева и дальше к лесу, несколько медленнее, отставая, трусил Орловец с ординарцем. Время от времени он

Западня. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
оборачивался в сторону первого взвода и на ходу потрясал кулаком – быстрее! Климченко, однако, не очень обращал внимание на эти многозначительные жесты: теперь в цепи он в какой-то мере стал независим от ротного, только солдатские силы не очень подчинялись ему. лейтенант бежал, чувствуя, как дотлевают в нем остатки прежней злости, прорвавшейся там, в овраге. Он начал уже сживаться с мыслью, что капитан «арап» и «горлопан», что он не пощадит и отца, чтобы выслужиться перед начальством. Но все же он вынужден был слушаться ротного и даже больше того: после недавней с ним стычки был полон решимости ворваться в траншею противника первым и тем доказать, на что способен его взвод. Это был рывок, рассчитанный разве что на одну только внезапность, и от его стремительности зависел исход атаки – либо они полягут здесь, на голом промерзшем косогоре, либо возьмут высоту.

«Шашть-шашть... Шашть-шашть...» – мяли струхлевшую прошлогоднюю стерню недоношенные за зиму валенки, ботинки с зелеными, сизыми, черными обмотками, запыленные «кирзачи». У кого-то поблизости в вещевом мешке или на поясе настойчиво звякал пустой котелок. «Не мог закрепить, разгильдяй!» – злобно оглянулся Климченко. Люди бежали по обеим сторонам от него, расширенные глаза их настороженно скользили по высоте, сипло дышали простуженные груди, болтались на ветру ремни автоматов. Ветер стлал по стерне длинные пряди пыли, стегал по разгоряченному лицу взводного тесемками шапки, но Климченко не замечал ничего, только бежал. Одна мысль владела теперь им – быстрее, пока не ударили немцы, пока тихо, пробежать хотя бы десяток метров к высоте, куда – это хорошо знал лейтенант – путь вот-вот оборвется шквалом огня.

Рота выбегала из-за пригорка на скрытый склон. Климченко уже увидел изрытую траншеями высоту – всю от леса до косогора под самой деревней, на котором в бороздах и под межами серели редкие пятна грязного, жесткого по утрам снега. Над бруствером показался длинный ряд глубоко надвинутых на головы касок. В тот же миг ветер донес ослабленную расстоянием команду:

– Фойер!..

Прежде чем в пространстве погас этот вскрик, тишина взорвалась тысячеголосым громом, поглотившим команду, топот ног и тяжелое сопение людей. Первые очереди разорвали упругий воздух над головами, рядом кто-то тонко, не по-мужски вскрикнул. Климченко склонился ниже, оглянулся и тут же выпрямился – в пяти шагах сзади бежал с автоматом в руках его ординарец Костя. Каска на голове бойца вдруг дернулась, наверно сбита пулей, одним краем осела на ухо, парень толкнул ее рукавицей на место и коротко, одними глазами улыбнулся командиру. Но лейтенант не заметил его улыбки, он увидел, что правый фланг отстал еще больше. Неповоротливый, пожилой Голаног с подоткнутыми под ремень лапами шинели то бежал, то останавливался, кидался в стороны, крича на бойцов, которые все заметнее замедляли бег и, видимо, уже были готовы залечь. Этого допустить было нельзя, и Климченко, слыша, как сзади матерится Орловец, вскинул вверх обе руки и, потрясая ими, закричал сорванным, осипшим голосом:

– Голаног! Так твою... Вперед! Вперед!..

Но слова его бесследно исчезали в грохоте боя. Он еще несколько раз потряс в воздухе кулаком с зажатым в нем пистолетом и рванулся вперед. Пули густо пронизывали воздух, клевали мерзлую землю у ног, брызжа песком. Хмурое небо гудело, голосило, скулило тысячьголосов. Казалось, непостижимая бешеная сила неистово бушевала в вышине, и даже не верилось, что все это грохочущее буйство уничтожения направлено против реденькой цепочки вконец уставших людей, которые шли и бежали по серому склону, медленно приближаясь к траншее.

– Вперед! Вперед! – кричал лейтенант, нагоняя цепочку бойцов, одолевших уже половину пути.

Но шквал огня с высоты делал свое дело: бойцы замедляли бег, все ниже жались к земле, некоторые уже лежали на стерне, и невозможно было понять, убиты они или просто испугались. В какую-то секундную паузу он уловил поблизости слабый стук солдатского котелка и с мимолетной радостью подумал: «Жив!» Но тут же Климченко почувствовал, что первый порыв ослаб и что взвод вот-вот заляжет. Сердце его бешено стучало в груди, усталость распирала легкие, в висках с натужным звоном пульсировала кровь. «Быстрее! Быстрее! Быстрее!» – сверлила мозг упрямая мысль. Уже недалеко виднелась дорога – вытаявшая из-под снега полоска серой земли с редкими гривками бурьяна по сторонам. От дороги до траншеи оставалось всего шагов сто, и ни за что нельзя было позволить взводу залечь тут, любой ценой надо было прорваться к брустверу.

Однако они не успели еще подбежать к дороге, как откуда-то из деревни во фланг им ударила автоматическая пушка. Первые ее мелкокалиберные очереди загрохотали вдаль, и колючие клубки разрывов рассыпались по ниве. Несколько бойцов упали и суконными комками шинелей застыли на стерне. Кто-то в телогрейке уронил автомат

и, обхватив ладонями лицо, с криком бросился назад по склону. В тот же момент хлесткие, горячие трассы пронеслись возле взводного, ударили по земле сзади, метнулись дальше вдоль неровной цепи людей. От неожиданности Клименко на миг растерялся, но тут же с необыкновенной отчетливостью сообразил, что нужно немедленно, рывком вперед уходить из-под огня. Он уже не подгонял бойцов, перестал отдавать команды, мчался, опережая всех и хорошо зная, что только так можно не дать людям залечь. Сзади и по сторонам мерзлую землю зло секли очереди автоматической пушки.

Лейтенант перебежал дорогу, перескочил канаву с иссохшей прошлогодней травой и, пригибаясь, бросился дальше. Траншея была уже совсем близко, в каких-нибудь двадцати шагах, когда огненные колющие клубки разрывов взметнулись почти у самых его ног. Клименко упал – первый раз за эту атаку. Но, кажется, он уцелел. Еще не уверенный в этом, лейтенант вскинул голову и сквозь не осевшую от разрывов пыль увидел, как в траншее напротив засуетились зеленые каски; с бруствера, пульсируя белым огнем, торопливо ударил автомат, его пули брызнули в лицо Клименко песком, и он, вскинув в вытянутой руке пистолет, выстрелил туда три раза. Рядом напористо застрекотал автомат: это стрелял Костя. Одубевшим рукавом лейтенант вытер с лица пот, оглянулся. Очереди с гулким треском катились по промерзшей земле. Клименко рывком вскинул свое тело с земли и, преодолев последние метры, отделявшие его от траншеи, взлетел на бугорчатый, усыпанный гильзами бруствер, пригнулся, выстрелил несколько раз в загадочный зев траншеи и сразу же прыгнул в нее сам.

Он едва не наскочил на что-то живое внизу. Перед ним испуганно метнулась в сторону зеленая фигура в каске, казалось, без лица, с одной только худой кадыкастой шеей. Словно обороняясь, фигура вскинула навстречу локоть. Клименко, чувствуя, что в обойме осталось всего несколько патронов, рукояткой пистолета наотмашь ткнул немца в висок, потом перемахнул через него и, пригибаясь, кинулся к повороту траншеи. Сзади раздались взрывы гранат и крик: «Братцы! Братцы! Бра!..» Крик вдруг оборвался, но где-то рядом взвился другой: «Носке! Носке!» и еще: «О, Носке!..» Затем, обрушивая комья с бруствера, кто-то тяжело грохнулся в траншею. Клименко не успел оглянуться (лишь мелькнула догадка: Костя), как с обеих стен в лицо ему брызнуло землей, что-то острое толкнуло в плечо.

Лейтенант, оседая, обернулся, и его взгляд на мгновение встретился с помутневшими глазами Кости. Обронив автомат, ординарец падал ничком. В шинели на его груди чернела рваная, залитая кровью дыра. Не успел он, однако, упасть, как из-за его спины на фоне серого неба вынырнул немец – молодой, простоволосый, в расстегнутом мундире, с безумным взглядом таких же белесых, как у Кости, глаз. Клименко, откинувшись к стене, ослабевшей рукой поднял навстречу ему пистолет, но выстрелить не успел: что-то огненно-черное нестерпимой болью в голове погасило его сознание.

3

Было очень холодно. Знобило. Особенно мерзла спина. Клименко внутренне сжался, будто удерживая в себе последние крупницы тепла, и мелко, напряженно дрожал. Однако покоя не было, его все время толкали в плечи, затылок бился обо что-то твердое. Вскоре стало ясно, что он куда-то сползает – полушубок и гимнастерка на спине задралась, оттого и было так нестерпимо холодно. Он с усилием раскрыл глаза и увидел перед собой комья земли. Показалось, что он попал в яму, но почему тогда задралась куда-то вверх ноги? Приподняв голову, он повернулся, пытаясь удержаться руками, и увидел перед собой чью-то согнутую спину, хлястик с оловянной пуговицей и черный кожаный ремень под ним. Вторая пуговица на хлястике была оторвана, от нее осталось только проволочное, залепленное землей ушко, ниже которого болталась на ремне сумка. Клименко сразу узнал ее – это была его старенькая кирзовая сумка, выданная ему еще при выпуске из училища. Ноги лейтенанта были зажаты под мышками у этого человека, который, так нелепо впрягшись, волок его по траншее.

Поняв, где он, Клименко рванулся, пытаясь высвободить ноги. Немец сразу остановился, оглянулся: на его густо заросшем, немолодом лице отразилось переходящее в испуг удивление; нижняя губа его оторвалась от верхней, и на ней, наискось прилепясь, дымил желтый окуроч сигареты.

– Майн гот! – сказал немец и, встретившись взглядом с Клименко, выпустил из рук его ноги. Кирзовые сапоги лейтенанта глухо ударились о дно траншеи. Потом немец причмокнул губами, насупил густые брови и, оглянувшись, стал снимать с груди автомат.

А Клименко, осознав, что с ним произошло, понял, что наступил конец. У него не было сил защищаться, он только попытался сесть, его почему-то испугала мысль, что он будет убит лежа. Однако автомат у немца был на коротком ремне, он цеплялся за воротник, и солдат, набычив голову, с усилием стаскивал его поверх

Западня. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

зимней, с длинным козырьком шапки. Вверху над ним плыли тучи, и стебли бурьяна на бровке бруствера часто-часто мельтешили от ветра. Климченко кое-как все же собрался с силами, оперся на левую руку, сел и незаметно для немца провел правой рукой по боку. Однако кобура была пустая, оборванный конец ремешка лежал на суглинке. Лейтенант прислонился к стенке траншеи. Ослабевшее сердце его едва шевелилось в груди, а в голове стоял острый звон.

Немец тем временем подавил свое удивление и, уже почти безразличной к пленному, раза два потянул окуроч. Потом, прищурился от дыма глаз, дернул рукоятку автомата и отступил на шаг. С выстрелом он почему-то помедлил, поднял голову – сзади послышались шаги, и вскоре через плечо лейтенанта переступил испачканный землей сапог с множеством блестящих шипов на подошве. В следующее мгновение щеки Климченко коснулись полы длинной шинели, в разрезе которой мелькнули обшитые коричневой кожей бриджи. Немец опустил оружие, посторонился, давая кому-то дорогу, но тот остановился, уставым взглядом скользнул по лицу Климченко и что-то вполголоса буркнул. Солдат, держа автомат, с подчеркнутой готовностью ответил, и лейтенант понял: появился начальник.

Климченко поташнивало, туман то и дело застилал глаза, оба немца временами расплывались, словно тени в беспокойной воде, и лейтенант, склонив голову и закрыв глаза, безразличной ко всему, ждал выстрела. Однако вместо извещительной очереди он получил резкий удар в бедро и, вздрогнув, глянул вверх – оба немца стояли над ним, и солдат с автоматом, сплюнув окуроч, наклонился, заглядывая ему в лицо.

– Вставай, русэ! Вставай!

С трудом преодолевая оцепенение, лейтенант понял, что смерть пока что откладывается.

И, как за спасение, он ухватился за эту коротенькую возможность жить, оперся рукой о стену, с преувеличенной уверенностью, не рассчитав силы, встал и сразу же прислонился плечом к бровке траншеи. Тогда немец-солдат сильной рукой подхватил его под мышку. Климченко от боли и слабости заскрежетал зубами, рванул руку, но немец держал крепко и, бесцеремонно толкая, повел его по траншее.

Ветер сдувал с бруствера пыль. Видно, от стужи сильно ломило в затылке. Лейтенанта бросало в озноб. Он снова затрясся в лихорадке и, уже безразличной к тому, куда его ведут и что его ждет, тяжело переставлял ноги. Второй немец шел впереди, казалось, без всякого интереса к ним обоим. Поднявшись из траншеи, Климченко почувствовал себя лучше, появилось привычное беспокойство о взводе, он прислушался – нет, боя близости не было, перестрелка повсюду стихла, только где-то, видно, в землянке, какой-то немец выкрикивал одно и то же слово – наверное, это был телефонист, повторявший позывные.

Лейтенант глянул в одну сторону, в другую – траншея вела в тыл немецкой обороны. Оврага и склона со стерней, по которым они атаквали, отсюда не было видно. Вокруг было по-весеннему привольно и просторно. Дождаясь своего часа, бродил весенними соками лес. Освободившись от снега, вот-вот готова была ожить извечно обновляемая земля. Местами на ручьях и в бороздах, на лесных опушках чахли, дотаивали жесткие на морозе, как наждак, плешины снега, неистово носился над просторами ветер и сушил землю. На смену бесконечно долгой студеной зиме шла весна, и лейтенант понял: она уже не для него.

4

Его вели все глубже и глубже в тыл, подальше от своих, от роты, и Климченко все отчетливее сознавал, что этот путь – последний, что возврата уже не будет.

Он чувствовал себя плохо, больно колело в боку и взгляд то и дело почему-то затуманивался. Часто Климченко замедлял шаг, готовый вот-вот остановиться, и тогда солдат, идущий сзади, толкал его автоматом в спину, приговаривая: «Пшелъ! Пшелъ!» Но злости в его голосе лейтенант не чувствовал, хотя это теперь и не имело для него никакого значения.

Вскоре на тропке им встретилось шестеро солдат-связистов, обвешанных катушками с красным кабелем, сумками и оружием. Они уступили офицеру дорогу и, минуя пленного, разглядывали его настороженно враждебными взглядами. Отойдя, они еще долго оглядывались, но Климченко уже не отрывал глаз от земли: все, что происходило вокруг, его мало заботило.

Так они вышли к дороге. В неглубоком, но широком овражке, возле мостика через замерзший ручей, стояло несколько беспорядочно расставленных, крытых брезентом машин. Машины, видимо, находились тут давно, земля возле них была вытоптана и густо залита пятнами горячего и масел, рядом валялось несколько бочек, и солдат в комбинезоне, откинув в сторону руку, нес к машине канистру. Шедший впереди офицер что-то спросил у солдата с канистрой. Тот, хлопнув по бедру рукой, коротко ответил, и они свернули в сторону – туда, где под обрывом оврага чернела

дверь землянки.

Сперва Климченко показалось, что тут штаб и, прежде чем расстрелять, его допросят. Но, осмотревшись, он усомнился в этой своей мысли. Землянок было всего две; ни телефонов, ни обычной штабной суеты не замечалось. Немец открыл выкрашенную под дуб, видно снятую в каком-то доме, дверь, с крохотным, врезанным в верхней филенке окошком и зашел в землянку. Следом, подталкиваемый конвоиром, вошел Климченко, и дверь, скрипнув, захлопнулась.

Он ступил на шаткие, наспех настеленные доски пола, в лицо ударило жаром накаленной железной печки. В землянке слегка попахивало дымом. На застланном шерстяным одеялом столе лежали бумаги. Рядом мигала крохотная стеариновая плашка. Моложавый офицер в коротком, с разрезом сзади мундире подскочил к вошедшему и щелкнул каблуками. Пока они тараторили о чем-то, Климченко осмотрелся. Сзади сквозь филенчатое окошко проникал слабый свет пасмурного дня. Вместе с огоньком в плашке он скудно освещал переднюю стену землянки, в несколько рядов заклеенную одним и тем же платком с изображением широколицего красноармейца, который хлебал что-то из плоского котелка, глуповато при этом улыбаясь немцу в каске, стоящему рядом с такой же неестественной, деланной улыбкой на лице. Под платком повторялись надписи на русском и немецком языках. Плакат этот озадачил Климченко и окончательно убедил его в том, что тут не штаб. Но тогда что? Гестапо? Какой-нибудь пропагандистский отдел? От этих догадок становилось все тягостнее в душе.

Пока немец в мундире о чем-то докладывал, высокий в шинели, не снимая черных перчаток, перебрал на столе бумаги и начальственным тоном произнес длинную фразу. Второй немец сразу взглянул на Климченко, и лейтенант догадался, что речь шла о нем.

Гитлеровцы переговаривались уже втроем. Солдат-конвоир снял с плеча сумку Климченко и, вынув из-за пазухи, подал бритоголовому пачку бумаг. Климченко узнал среди них красную обложку своего командирского удостоверения, комсомольский билет, удостоверение о наградах, расчетную книжку, справки о ранениях. Тут было все, что месяцами лежало в его карманах, кроме часов и алюминиевого портсигара с табаком, о которых конвоир, очевидно, предусмотрительно умолчал. Офицер, брезгливо скривив топкую губу на белом, хорошо выбритом лице, без особого интереса перелистал документы и бросил их на стол. Несколько бумажек, не долетев, затрепыхались в воздухе; их услужливо подобрал с пола другой, в тесном мундирчике.

Наконец начальник что-то приказал, раза два прошелся по землянке, прогибая половицы, и, не взглянув на Климченко, вышел. Конвоир с автоматом также последовал за ним и стал за дверью. Сквозь чисто протертое стекло лейтенант увидел его плечо с погоном, козырчатую шапку, дальше был виден брезентовый край кузова с пятнистым осенним камуфляжем и буквой "Z" в белом квадрате.

Ожидая, что будет дальше, Климченко взглянул на того, кто остался с ним, и заметил, как покорно-угодливое выражение его лица уступило место самовольной уверенности.

– Ну, лейтенант, начнем разговор? – на чистом русском языке спросил он, и от этой неожиданности Климченко оторопел. Немец, словно и рассчитывая на это, снисходительно заулыбался, вынул из кармана блестящий портсигар, раскрыл его и, стоя посередине землянки, протянул Климченко:

– Куришь?

Услышав такие неожиданные здесь слова, лейтенант вдруг утратил всю свою выдержку, пошатнулся и, чтобы не упасть, оперся локтем о стену землянки; изображения солдат на плакатах запрыгали в его глазах. Немец, заметив его состояние, нерешительно прикрыл портсигар.

– Э, да ты, оказывается, ранен! Что ж они не сказали? Ну, это пустяки, подлечим! Садись вот! – Он схватил из угла крепко сколоченный табурет, поставил на середине землянки, и лейтенант обессиленно сел.

Немец раскрыл дверь, что-то крикнул во двор, в ответ послышались голоса и торопливый топот ног. От свежего воздуха, хлынувшего снаружи, в землянке сразу похолодало, и Климченко постепенно овладел собой.

Немец отошел от порога, прикурил, подождал, пока где-то поблизости простучали сапоги, и в землянку ввалился грузный, немолодой уже ефрейтор с сухим, желтым лицом. От него остро запахло дустом и еще чем-то, похоже, лекарством. Недовольно ворча, он начал сдирать с Климченко перепачканный, изодранный в клочья полушубок. Лейтенант вяло подчинялся его настойчивым движениям: ему уже было безразлично, что сделают с ним. Он хотел лишь покоя и невидящим взглядом смотрел, как по доскам вокруг табурета тяжело ступают поношенные сапоги. Руки немца, бесцеремонно поворачивая его голову, пролязгали ножницами, и на пол упали светлые, спутанные пряди волос. Затылок, видно, был сильно разбит и болел, но Климченко терпел все, только раз вздрогнул, когда рану обожгло лекарство.

Западня. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Вскоре, однако, немец проворно обмотал голову желтоватым бумажным бинтом и собрал в сумку свое снаряжение. Все это время тот, в мундирчике, сидел на углу стола и с добродушной ухмылкой наблюдал за ним, пока санитар не вышел, прихлопнув за собой дверь.

– Ну, так лучше? – просто и будто с сочувствием спросил человек в мундире, когда они остались вдвоем. – Это излечимо. У немцев медицина, как у нас говорят, на высоте. У нас, – значит, у русских. Не удивляйся. Я русский. Как и ты. Москвич. На Таганке жил.

Климченко уже перестал удивляться и заметил про себя, что тут, очевидно, ко всему надо быть готовым. Нарочитая доброжелательность и заботы этого человека наводили лейтенанта на мысль, что ждет его тут нелегкое. Но чувство открытой враждебности к этому «русскому» как-то начало ослабевать, и он, сам не заметив того, почувствовал себя будто наравне с ним. Правда, лейтенант помнил, что это ничего еще не означает и что надо держать ухо востро.

– Интересно, а ты откуда будешь? – спросил его «русский».

– Там написано. Наверно же, грамотный? – ответил Климченко, взглянув на стол с разбросанными на нем документами.

Человек в мундире, улыбнувшись неодобрительно, но терпеливо, повел русой бровью.

– Ну конечно, там все написано! У нас, то есть у вас, на этот счет полный порядок. Как говорят, ажур. И где родился, и где женился, и где крестился, и был ли за границей, и имел ли колебания. Я это знаю, – совсем как-то просто и даже, как показалось Климченко, с дружелюбием в тоне сказал он. – Сам был такой! – Он с ухмылкой остановился перед Климченко и выпустил над его головой струйку дыма.

«Что за тон? Чего ради?» – думал Климченко. Утрачивая безразличие к своей судьбе, зародившееся в нем там, в траншее, он вдруг задумался над тем, что бы все это могло значить? Раздетый, в одной гимнастерке, с кубиками в петлицах (погоны только недавно ввели, и он еще не успел их получить), без ремня, с перевязанной головой, он, как арестант перед следователем, сидел в непривычно обставленной землянке и настороженно слушал. А человек в немецком мундире с удовлетворенным выражением на лице, что-то соображая, оглядывал его.

– Орденишко давно получил? – кивнул он на его Красную Звезду.

– Осенью, – сказал Климченко.

– За оборону, наступление?

– За окружение.

– Ну что ж, это похвально. Заслуженный, боевой офицер, – что-то имея в виду, сказал человек и быстро предложил: – Может, все же познакомимся? Я – Чернов. К сожалению, не Белов, но что поделаешь, – засмеялся он, и внутри у Климченко что-то словно оборвалось: такой открытой показалась ему эта улыбка, что не хотелось думать, что перед ним враг. «А может, он тут по заданию наших работает? Может, разведчик? А вдруг он выручит?..» – на какое-то мгновение мелькнула у него мысль. Во все глаза глядя на этого человека, Климченко старался что-то понять, а тот, стоя напротив и покровительственно усмехаясь, мягко продолжал:

– Можешь называть меня Борисом. Ведь мы, почитай, ровесники. Ты с какого года? – Не ожидая ответа, он заглянул в удостоверение на столе. – С двадцать первого. Ну, а я с девятьсот семнадцатого. Так сказать, ровесник Октября...

Он бросил за печь сигарету и впервые сел на свое, видно, постоянное место за столом. Затем, растопырив пальцы, осмотрел ногти и маленьким ножичком стал подрезать их. Климченко, напряженно морщась и чего-то ожидая, пристально следил за его легонькой ухмылкой, которая блуждала на белом, в меру упитанном, свежесбритом лице. Казалось, такой человек никому и никогда в жизни не сделал ничего плохого.

– Полагаю, мы сговоримся. Ты, наверно, думал, что а плену сразу расстрел? Глупости. Ты же не комиссар. Немцы уважают достойных противников. Строевых командиров. Работяг войны. Специалистов. Немцы к ним относятся, я бы сказал, по-рыцарски. Да ты и сам уже успел убедиться в этом. Так ведь?

Климченко молчал.

– Ну что замкнулся? – оторвав взгляд от ногтей, сдержанно упрекнул Чернов. – И чего так смотришь? Опомнись еще не можешь? Это ничего, пройдет.

– Что вам нужно? – меряя его недоверчивым взглядом, спросил лейтенант.

Чернов облегченно откинулся на спинку стула.

– Вот это деловой разговор. – Он несколько преувеличенно и потому не совсем естественно обрадовался, вышел из-за стола и присел на его уголке. Вытянув вперед ногу в начищенном щеголеватом сапоге, пошевелил носком, помолчал, собираясь, очевидно, сообщить главное.

– Очень даже немного. Я думаю, тебе не меньше нас жалко своих солдат. Не так ли? Через день-другой их погонят в наступление, и всем будет капут. А зачем? Не

Западня. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
довольно ли России лить кровь? – спросил он. Казалось, Чернов искренне переживал то, что говорил, и Климченко снова с некоторым любопытством взглянул на него. – Зачем бессмысленные жертвы? Сколько их уже принесла Россия! Революция, классовая борьба, войны. Одним словом, лейтенант, вот что... Нужно выступить по звуковещательной установке и поговорить со своими. Нет, нет, не пугайся, выдумывать ничего не придется – есть готовый текст.

«Вот оно что, теперь все ясно!» Тягостное напряжение у Климченко вдруг спало, впервые он повернулся на табуретке и вздохнул. Чернов встал из-за стола и подошел к нему ближе:

– Так как? Рисковать тоже не придется. Динамик – на передовой, мы – в траншее. Несколько слов к конкретным лицам. Это подействует. Это всегда действует.

– Ах вот вы о чем! – сказал Климченко, взглянув в улычиво-спокойные глаза Чернова. – Нет, ничего не выйдет! Ищите другого.

Климченко понял все – ничего нового в этом для него не было. Когда-то в дождливую беспросветную ночь под вязьмой он уже слышал подобную агитацию по радио. На опушке в беспомощной ярости матерились бойцы, слушая брехню какого-то перебежчика, который сутки назад был с ними рядом и вместе из одного котелка хлебал суп, а потом агитировал их переходить на сторону фюрера.

Опершись локтями о колени, Климченко низко согнулся на табурете и опустил голову, готовый ко всему. Чернов умолк, перешел на другую сторону стола и сел, загадочно поглядывая на него. В печке догорали дрова, жара спадала, и от двери потянуло холодом. Лейтенант передернул плечами.

– Так, так, не хочешь, значит? Ну что ж... – неопределенно, что-то обдумывая и разложив на столе руки, сказал Чернов.

На дворе – слышно было – переговаривались солдаты, хлопали дверцы в кабинах машин, где-то вдали ахнули два взрыва. Огонек в плошке тихо мигал. Вдруг он резко вспыхнул, едва не погас – сзади стукнула дверь.

В землянке появился тот, долговязый, приведший его сюда. Климченко, не оборачиваясь, узнал его по кожаным бридгам (теперь он был без шинели) и медленно поднял голову. Чернов что-то буркнул, выскакивая из-за стола. Вошедший недобрым, испытующим взглядом уставился на пленного. Не сводя с Климченко взгляда, он вынул из кармана портсигар и щелкнул им перед самым лицом пленного. Климченко отвернулся. Немец что-то коротко и строго сказал Чернову, тот подскочил к Климченко, и лейтенант, получив в челюсть сильный удар, отлетел к стене. В левом его ухе при этом, кажется, что-то лопнуло, и голова наполнилась болезненным острым звоном.

Когда он медленно, держась за стену, поднялся, Чернов негромко сквозь зубы процедил:

– Отказываться у немцев не принято. Ясно?

Климченко сжал челюсти и подумал: «Вот где ты открываешься, гад ползучий!» С минуту он стоял у стены под взглядами двух пар разных, но по-прежнему, как ему казалось, совсем невраждебных глаз. Было обидно и больно, но опять почему-то не хотелось верить тому, что тут произошло: так обычно и просто смотрели на него эти глаза. Потом высокий, все в тех же черных перчатках, медленно подняв сигарету, мизинцем бережно стряхнуло нее пепел. Он и Чернов выглядели столь спокойными, рассудительными, что можно было подумать, будто оба они шутят.

– Ты будешь исполнять немецки бэфель? – без угрозы, спокойно спросил немец.

– Я не предатель.

– О, – только и сказал офицер и почти незаметно одним глазом моргнул Чернову. Тот подошел и так же, как в первый раз, не размахиваясь, по-боксерски коротко и сильно ударил Климченко в челюсть. Лейтенант снова отлетел к стене; падая, он задел печь – в трубе густо зашуршал посыпавшийся с потолка песок. Немец процедил: «Гут» – и, сжав тонкими губами конец сигареты, вышел из землянки.

5

Как только дверь за офицером захлопнулась, Чернов спокойно, будто ничего между ними и не произошло, подошел к Климченко:

– Ну как?

– Сволочь ты, а не земляк! Кол тебе в душу! – сказал лейтенант, сплевывая на пол кровавую слюну.

Чернов, почти не обращая внимания на его бранные слова, хитровато улыбнулся:

– Ну не сердись! Чепуха. Это так, для порядка. Иначе... Сам понимаешь: начальство!

Он подхватил Климченко под руки, рывком поставил его на ноги, сапогом пододвинул табурет:

– Садись!

Лейтенант сел и искоса поглядывал на своего палача, острые подвижные глаза которого то и дело косились на двери землянки.

Западня. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Сам понимаешь. Приходится. Иначе скомандует и все: конец. Так что иногда лучше ударить. Правда, ведь?

Чернов начал ходить по землянке. Казалось, ничто не способно было вывести его из душевного равновесия, таким он был неторопливо-уверенным, расчетливым, аккуратно, почти что элегантно одетым... На его стриженном под бокс белесом затылке шевелилась розовая складка.

– Между прочим, тебе, можно сказать, повезло. Не каждому дается такая возможность – реабилитировать себя. У немцев заслужить доверие нелегко. Зато они ценят преданность. Сужу по собственному опыту. Я тоже, знаешь, когда-то ждал пули. Пришлось доказать кое-что. И вот видишь, вместо пули – мундир! – Он с удовлетворением ощупал свой коротенький френчик с узкими серебряными погонами. – Правда, при Советах чин побольше бы был, – с какой-то ухмылкой добавил он.

«Что за намеки? Кто он такой? Политрук? Командир? Штабист какой-нибудь?..» – думал лейтенант. И вдруг его будто осенило что-то, и он понял, что перед ним хитрый враг и что никакой он не москвич, хотя, может, когда-то и жил там.

– Зря стараешься, – злобно сказал Климченко. – Не на того напал!

Чернов вдруг остановился и круто повернулся к пленному. Выражение его лица не изменилось, только левый глаз как-то недобро округлился, и он несколько тише, чем обычно, будто затем, чтобы не услышал снаружи часовой, сообщил:

– А вообще ты того... Не слишком ерепенешься. Учти: выбор у тебя не очень богатый. Либо ты выступишь, либо в землю ляжешь. Сегодня же!

После всего, что случилось, угрозы могли только взорвать, и Климченко вскочил с табурета.

– Ну и пусть! Стреляйте! Все равно пристрелите! Не к своим же отпустите? Не верю я вам. Сволочи вы все!

Чернов холодно усмехнулся.

– Не горячись. В конце концов мы сможем сделать что надо и без твоего участия.

– Он выждал немного, хмуря белесые брови, потом повернулся и спокойно занял за столом свое место, с какой-то многозначительной важностью взял вынутый из сумки листок – список личного состава первого взвода автоматчиков. – Командир отделения Голаного Иван Фомич, ефрейтор Опенкин Петр Петрович, красноармеец Сиязов, Гаймадуллин... Имя и отчество не проставлены – непорядок. Чирков, Федоров, Хиль, всего двадцать два человека. Выбывшие отмечены? Отмечены, а как же! Ну вот. Командир роты также известен – Орловец. Остальное и сами сделаем. Только ты тогда, понятное дело, пеняй на себя. Немцы тебя сотрут в порошок. Да и на той стороне все в квадрат возведут. Понял?

– Как это?

– А просто. Подумай, поймешь.

Климченко растерялся; ошеломленный еще не до конца осознанной, но, безусловно, какой-то сверхнаглой затеей этих сволочей, он во все глаза смотрел на Чернова. А тот, уже сменив свое радушное выражение на угрожающее, сложил список взвода и сунул его под сумку.

– Вот так! – сказал он и откинулся к стене. – Ну что, решаешь?

«Что они надумали? Что сделают?» – билась в голове безысходная мысль, и постепенно вырисовывалась догадка, от которой его бросило в жар. Климченко вскочил и, пошатываясь, шагнул к столу.

– Не имеете права! Провокаторы! Сволочи продажные!

– Тихо! – строго сказал Чернов и встал за столом. Рука его твердо легла на сумку, под которой находился список. – Тихо, лейтенант! Сначала подумай. Поостынь.

Климченко осатанело глядел ему в глаза – на этот раз уже холодные и жестокие. Несколько секунд они так и стояли – один против другого, разделенные только столом, и тогда к лейтенанту впервые пришло отчетливое понимание того, что эти звери сделают с ним все, что захотят. Это оглушило его, и он беспомощно опустил руки, понурил голову. Почувствовав, как запрыгали в глазах черные бабочки, вернулся на прежнее место.

Какое-то время оба молчали. В землянке стало прохладно, печка уже не светилась огнистыми щелями. Скупое серела заклеенная нелепыми плакатами, стена, на которой шевелилась головастая, до самого потолка тень Чернова. На дворе, видно, темнело, слышны были ленивые шаги часового, где-то дальше, безразличные ко всему, разговаривали, смеялись солдаты и тоненько наигрывала губная гармошка.

«Сволочи! Что делают, сволочи! И надо же было вчера отметить выбывших – убитых и раненых. Тухватуллин, кажется, только не отмечен. Ночью подстрелили, не успел вычеркнуть. Нет, этого допустить нельзя. Но как?..»

И Климченко понял, что единственный выход у него – схитрить, утонченному коварству врага противопоставить такую же изощренную хитрость. Однако ему, человеку прямому и открытому, не так-то легко было сделать это. Главным теперь

Западня. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
для него был список – лейтенант ясно понимал это. Ему тяжело было заставить себя не смотреть на этот прижатый сумкой листок бумаги, и все же он каждой частичей тела ощущал его там и даже опасался, что Чернов мог по какому-нибудь движению догадаться о зреющем в нем намерении. Недаром, видно, его посадили на середине землянки. Точно рассчитать бросок к столу было трудно: теперь он не чувствовал в себе необходимой для этого ловкости. Надо было что-то придумать, и Климченко решил оттянуть время.

– А что я должен говорить там? – мрачным, но несколько более ровным голосом спросил он.

Чернов повел бровями, коротко взглянул на него:

– Вот давно бы так! Это очень просто. Прочешь вот эту бумажку... Где она тут у меня затерялась? Ах вот! – Он отыскал среди бумаг какой-то листок и, привстав, через стол сунул его Климченко. Лейтенант недоуменно прочитал первые строки.

«Дорогие граждане, мои однополчане, – было напечатано мелким шрифтом. – Бойцы и командиры... полка! („Вот, сволочи, и место оставили, только проставляй!“) Обращается к вам бывший командир (красноармеец)» – опять пропуск с многоточием.

Климченко взглянул ниже: там также шли пропуски – точки, обращения к бойцам с предложением сдаваться в плен. Тут же предполагалось напомнить этим людям их конкретные обиды на Советскую власть и перечислить блага плена: семьсот граммов хлеба, горячий обед, утром кофе, каждому одеяло, свобода от большевизма, для верующих по желанию – костел, кирха или церковь. В заключение – бойцов, места жительства которых были заняты немецкой армией, обещали отпустить по домам.

«Здорово расписали, складно, – подумал Климченко. – Так здорово, что и дурак не поверит». Стараясь быть более спокойным, он объявил:

– Ладно! Черт с ним. Я согласен.

– Ну вот и с богом! Поздравляю! – Чернов вышел из-за стола и пожал его руку выше локтя. – Как говорят, расколосся – и добро! Конечно, какой смысл умирать из-за какого-то там идиотского принципа! Правда? Значит, так... – Он с удовлетворением, как после нелегкого, но уже законченного дела, потер ладони. – Значит, так... По российскому обычаю надлежит размочить. Как-никак все-таки людей от смерти спасаем. Это, брат, не измена. Это скорее доблесть!

Он пружинисто присел на своих щегольских, с высокими задниками сапогах и вытащил из-под стола желтый, похожий на чемодан ящик. Щелкнул замок, в ящике оказались какие-то свертки в блестящем целлофане, бутылки, банки консервов.

Точным, заученным движением Чернов поставил на стол два алюминиевых стаканчика.

Рядом, под сумкой, лежал список личного состава взвода автоматчиков.

У Климченко расширились зрачки, когда он увидел все это. Внутри все сжалось и похолодело, мышцы в его ослабевшем теле напряглись: всего два-три шага отделяли его от бумажки, которая сейчас могла круто изменить его судьбу. Это было так необычно, что просто не верилось. «Прошляпил или нарочно?» – напряженно пытался решить лейтенант. Он не сводил глаз с ящика на полу, но искоса видел на столе сумку – в считанные секунды надо было принять решение.

– Вот мы сейчас, как наши, то есть ваши, говорят, и обмоем начало твоей новой службы! Коньяк! Видно, такого не пил? – с доброжелательностью радушного хозяина говорил Чернов, выкладывая на стол провизию. На скатерти-одеяле уже лежали несколько банок паштета, пачка галет, завернутый в целлофан кусок колбасы.

«Ошибка или провокация?» – сверлил голову лейтенанта все тот же вопрос. И какой-то неведомый, но настойчивый советчик все время твердил: «Давай! Скорей! Скорей! Ну что же ты?... Сейчас... Сейчас...»

Климченко удобнее расставил возле табуретки свои ноги, слегка наклонился, чтобы ловчее было прыгнуть – одной рукой он намеревался столкнуть сумку, другой – схватить список.

Чернов тем временем выложил на стол две солдатские вилки, склепанные вместе с ложками, и снова запустил руку в ящик.

Климченко подвинул на полу ногу, пригнулся всем телом – и прыгнул... Правой рукой он довольно ловко откинул в сторону сумку, левой, сбросив колбасу, схватил сложенный вчетверо листок бумаги. Чернов недоумевающе вскинул голову и почему-то вместо того, чтобы ринуться на него, схватил бутылку, которая падала со стола. А Климченко отскочил шаг назад и, рванув печную дверцу, сунул бумажку в огонь. Вместе с пламенем, мгновенно вспыхнувшим в печке, в нем взвилась торжествующая, победная радость. Но в этот момент сзади с какой-то непонятной истерической веселостью захохотал Чернов.

Не догадываясь о причине этого смеха, но инстинктивно почувствовав неудачу, Климченко обернулся и, мучительно заломив брови, взглянул на Чернова. Тот вдруг оборвал смех, лицо его сразу одеревенело. Он сунул руку в карман брюк и почти под самым носом Климченко мотнул в воздухе листком бумаги:

– Видал?

Список личного состава взвода был в руках врага.

Западня. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Чернов аккуратно засунул бумажку в нагрудный карман, старательно застегнул пуговицу и сделал шаг к пленному. В его расширенных глазах вспыхнула и погасла дикая нечеловеческая злоба.

– Скотина, кого обмануть вздумал?!

Бешеный удар в левую щеку, в правую, удар в подбородок (кажется, хрустнула челюсть), звон, треск в ушах, сноп искр из глаз... Климченко откинулся к стене и, напрасно пытаясь прикрыться руками, быстро сползал на пол. Тело помимо его воли стремилось сжаться, свернуться в малюсенький, тугий комок, чтобы как-нибудь выдержать безжалостные удары – в голову, в лицо, живот, в грудь... Чернов бил яростно и молча, как можно бить только за личную обиду, за собственные неудачи, за непоправимую зло в жизни, вымещая все на одном человеке.

Вскоре у Климченко перехватило дыхание, и он захлебнулся тягучей, вдруг поглотившей все ощущения мутью.

6

Он снова очнулся, как и там, в траншее, от нестерпимой, судорожной стужи.

Память его с необыкновенной ясностью воспроизвела последние минуты сознания. На этот раз он хорошо помнил, что с ним произошло, только не знал, сколько прошло с тех пор времени и где он лежал. Вокруг было темно. Когда он повернулся огромным усилием большого, разбитого тела, то увидел сбоку окошко – крохотные светловатые квадратики размером не более спичечной коробки. Он оперся руками о пол – ладони ощутили шершавое железо обшивки. Догадался, что лежит в машине. Тело его так дрожало от холода, что он едва совладал с этой дрожью, пересиливая непрерывные мучительные судороги.

Климченко сел, сжавшись, подвинулся к стене. Железо обшивки, прогнувшись, брякнуло, и тогда он понял, что его заперли, видимо, для того, чтобы куда-то отвезти. «Хотя почему куда-то?» – невесело усмехнулся он. После того что произошло там, в землянке, выкручиваться ему уже больше, видно, не придется. «Вот сволочи! Надо же было так перехитрить! Взяли, как щуренка на блесну. Вот тебе и доблесть, дурень набитый!» – ругал себя Климченко, прижав к груди колени и локти, все еще не в силах унять дрожь. Лицо его, казалось, было сплошным струпом, шатались под языком коренные зубы, левый глаз едва раскрывался – заплыл опухолью. Болела челюсть под ухом, к ней невозможно было прикоснуться.

«Видно, кулачных дел мастер „землячок“ проклятый! – с ненавистью вспомнил он Чернова. – А как подъезжал! Как мягко стлал, чуть даже коньяку не выпили. Вот тебе и „соотечественник“!»

Вокруг стояла сонная, глухая тишина. Где-то в стороне, по-видимому, на дороге, прогудела машина, с передовой донеслось несколько далеких, ворчливых пулеметных очередей. После всего, что с ним стряслось, лейтенант ждал уже самого худшего – конца, подготовил себя к нему и хотел только, чтобы он наступил по возможности быстрее и без особых страданий.

«Ну вот и все!» – думал он. Сколько раз на войне смерть обходила его стороной, даже тогда, когда надежды на жизнь уже не оставалось, когда обычная солдатская гибель в бою казалась избавлением. Это постепенно приучило лейтенанта к подсознательной надежде на то, что самое ужасное минует его, что он уцелеет. Отчасти помогало: он переставал остерегаться, заботиться о себе, больше думал о людях, о деле. Так было в каждом бою, в каждой самой безнадежной ситуации. Но вот, кажется, настигла костлявая и его.

Отдавшись наплыву своих горестных мыслей, он не сразу обратил внимание на новые звуки, что родились в дремотной тишине ночи. Сначала лейтенанту показалось, что это был разговор где-то там, на дороге, затем он почувствовал в этом разговоре что-то совсем не немецкое и как будто даже знакомое. Это сразу взволновало. Климченко вытянул шею, вслушался: показалось, словно где-то далеко-далеко говорят по радио. Так когда-то до войны было у них в лагерях, когда под выходной день он, тогдашний красноармеец пулеметной роты, стоял часовым на самом дальнем посту – у склада ГСМ [горюче-смазочные материалы], а в столовой «крутили» картину.

Далекие, едва доносившиеся из темноты звуки человеческой речи пробивались в кузов машины. Климченко затаил дыхание, вслушался и вдруг съезжился в ужасе от страшной догадки.

Далеко, на передовой, звучал динамик.

Опираясь руками о настывшее железо пола, Климченко рванулся к двери. Тупая, неимоверная боль в боку сразу заставила его остановиться, но он все же дополз до тусклой щели в пороге и замер. Динамик звучал с переменной громкостью, то затухая, то вдруг отчетливо донося слова. Что они были русскими, лейтенант не сомневался, хотя и не сразу улавливал смысл сказанного. Он снова затаил дыхание и тогда услышал:

– ...красноармеец Круглов, младший сержант Агапитин, ефрейтор Телушкин...

Они перечисляли фамилии его автоматчиков.

Больше он не слышал уже ничего. Он вскочил на колени, вскинув над головой руки, ударил ими в дверь. Железо громко брякнуло, и он изо всей силы начал молотить по нему кулаками.

– Вы, сволочи, что вы делаете? фашисты! Что делаете! Откройте! Откройте немедленно! Откройте! – истошно кричал он.

Но за дверью было по-прежнему тихо, никто не отозвался, казалось, никто его тут и не слышит.

– Не имеете права! Я не позволю! Что вы делаете, звери! Гитлеровцы проклятые! Гады!

Он бил и бил в двери до острой боли в кулаках. От натуги из затылка снова пошла кровь: горячая струйка ее тихо скользнула по спине меж лопаток. Но Климченко уже не жаль было крови, да и самой жизни. В отчаянной судороге зашло его сердце перед величайшей несправедливостью.

– Откройте! Откройте! Откройте!

Ему показалось, будто кто-то появился там, снаружи. Тогда он застучал и закричал сильнее – бессвязно, задыхаясь от гнева и обиды. И в минуту безмерного изнеможения услышал:

– Хальт! Шиссен будэм делайт!

– Ага! Шиссен! Черт с вами! Стреляйте! Стреляйте, сволочи!

Послышался приглушенный говор, видимо, там совещались. Динамик вдалеке все еще звучал, но задыхавшийся Климченко не мог разобрать ничего – так сильно стучало в груди сердце и билась в висках кровь. Как сквозь сон, донеслись выстрелы оттуда, с передовой: наверно, в ответ на пропаганду ударили длинные и короткие очереди «Дегтярева». Это обнадежило, и он застучал сильнее:

– Сволочи! Гады! Что делаете! Откройте! Не имеете права! Дайте сюда Чернова! Чернова сюда!

Он и сам понимал, что его слова совершенно напрасны, ибо о каком праве можно говорить с этими людоедами, которые наверняка не послушают его. Но это было единственно возможным протестом, так как сделать что-либо он был уже не в силах. И он бил и бил кулаком, бил здоровым бедром, коленями. Необыкновенное душевное напряжение придало ему силы. Изредка снаружи злобно рычали немцы. Черт их побери, он готов был принять очередь сквозь дверь, это его не останавливало. Все его существо жаждало бунта и боролось.

Наконец, он совсем обессилел, голос его стал слабым, хриплым, до крови разбитые о железо кулаки распухли. В его будке-кузове уже посветлело, серая мгла расступилась, и на пол из окошка легло пятно робкого утреннего света; ярче заблестела под дверью щель. А он все бил и не слышал, как снаружи нарастал говор людей, вокруг затопали, откуда-то приехала и остановилась машина, и вот уже возле его уха щелкнул замок-засов. Неожиданно дверь раскрылась, и он едва не выпал из кузова.

На него пахнуло острой сыростью утра. На склоне оврага стили в тумане голые ветви ольшаника, в поисках пищи куда-то пронеслась стайка воробьев. Перед дверью стояли и смотрели на него два солдата – один в каске с автоматом на груди, другой с непокрытой головой. За ними толпились по-разному одетые и разные по возрасту немцы, которые, одинаково притихнув, с нескрываемым любопытством смотрели на него. Но он не видел никого: его взгляд, бегло скользнув по этому десятку людей, сразу замер на фигуре того, кто вчера назвался Черновым. Нисколько не похожий на вчерашнего, холодно-сдержанный, в высокой офицерской фуражке и подпоясанной шинели, он стоял возле входа в землянку и, засунув руки в карманы, курил сигарету. Рядом были еще два офицера – тот, вчерашний, высокий, в обшитых кожей бриджах, и другой – низенький, подвижный, в шинели с черным воротником.

Климченко все это схватил одним взглядом, раздумывать ему было некогда – сразу же он ринулся из машины к Чернову.

Конечно, его схватили за руки, заломили их за спину, скрутили. Он, как мог, рвался, выкручивался, отчаянно сопротивляясь их грубой силе, и кричал:

– Звери! Сволота фашистская! И ты – гитлеровский прихвостень! Сволочь! ублюдок!

Чернов как-то многозначительно вытянул из карманов руки и неторопливо пошел к машине. Близкие солдаты расступились, а он подошел к Климченко и сильно ударил его по лицу. Лейтенант рванулся, закричал, но его крепко держали. Тогда он в бешенстве вскинул ногу и едва не ударил ею Чернова в живот. Тот ловко увернулся.

– Абшнайден кнопфе! [Срезать пуговицы! (нем.)] – бросил он кому-то из солдат и отошел на три шага.

Двое из тех, что с ехидным любопытством смотрели на все это, подскочили к пленному. Рыжий, в синем комбинезоне солдат щелкнул большим перочинным ножом и сбоку, остерегаясь удара ногами, дернул его за штаны. Второй обеими руками ловко

Западня. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru обхватил его ноги. Климченко сначала не понял, что они придумали, рванулся, но напрасно. Рыжий резанул брезентовый поясок его штанов, и на землю одна за другой посыпались пуговицы, отлетел вырванный с клочком материи крючок.

– Гады! Что вам надо? Что вы делаете? Убейте сразу! Ты, сволота! – закричал он на Чернова. – Стреляй! Скорее, ну!

Чернов криво усмехнулся, искоса взглянул на офицеров, стоящих у входа в землянку, один из которых, низенький, пьяно хохотал, а второй лишь брезгливо кривил губы, и процедил сквозь зубы так, что услышать и понять его мог, видно, один только пленный:

– Это для тебя слишком большая роскошь. Ты еще меня попомнишь!

Вернувшись к землянке, он о чем-то заговорил с офицерами. Высокий надменно шевельнул белыми бровями, низенький же, явно заинтересовавшись, подошел поближе и некоторое время слушал Чернова. Солдаты издали тоже вслушивались в их разговор. Наконец, высокий сказал: «Яволь», а низкий злорадно захохотал.

– О, зер гут, гер Шварц! Яволь! Рус капут!

По чьей-то команде те, что держали его, отпустили: в отчаянии скрипнув зубами, Климченко вынужден был обеими руками схватить свои брюки и держать их так, униженно и беспомощно. Душу его раздирали от гнева, бессилия и позора. Казалось, на минуту он захлебнулся в немом внутреннем вопле. А рядом, злобно потешаясь, ржали десятка полтора немцев и злобно хмурился этот проклятый «Чернов», настоящую фамилию которого он только что узнал.

Наконец Шварц-Чернов отошел от офицеров, передвинул на ремне жесткую кобуру «вальтера» и рывком расстегнул ее. Сбоку к Климченко подступил солдат, тот, что держал его за руки; второй, раздетый, бегом бросился куда-то; через полминуты, на ходу надевая шинель, он вернулся с винтовкой. Климченко толкнули в спину и погнало.

«Конец!»

В который раз за эти сутки всеобъемлющей скорбью охватывала его эта гнетущая мысль, и в который раз она не сбывалась! Но вот, кажется, убьют. Он подумал тогда, что они сделают это где-нибудь в овраге, подальше от людей. Однако немцы вывели его на вчерашнюю тропинку и погнало по ней ближе к передовой. В нескольких шагах впереди шел Шварц-Чернов. Он все время молчал и не оглядывался. Сзади, о чем-то переговариваясь и поочередно затягиваясь одним окурком, шли конвоиры. С окровавленной головой, в одной гимнастерке, пленный брел медленно, придерживая руками брюки.

«Ну и придумали, сволочи! Не удерешь и не ударишь. Видна выучка!» – думал лейтенант о Шварце. Голова его кружилась, повязка сбилась с затылка и держалась только за ухом, гимнастерка на плечах была забрызгана кровью. Ордена на груди уже не было, – видно, вчера отвинтили в землянке.

На склонах оврага стлы клочья тумана, низко нависало матово-серое небо, было сыро и холодно. Климченко мучительно захотелось хоть какого-нибудь конца, только бы скорее...

7

Тем же вчерашним путем его гнали на передовую.

«Что им еще надо? Что они надумали, сволочи?» – сильнее, чем боль и холод, начал изводить его этот вопрос. С отчаянием и ненавистью он бросил на ходу Шварцу-Чернову:

– Ты, гад! Хватит мучить. Стреляй!

Тот повернулся и, придерживая рукой фонарик, кожаным ушком пристегнутый к груди, взглянул на него из-под влажного козырька фуражки.

– Стрелять? Нет, стрелять я подожду. Я сначала устрою тебе маленький спектакль. Знаешь, как это у вас говорят: концерт самодеятельности.

– Подлюга! Чего тебе еще надо?!

– Скоро увидишь.

Так они вышли из оврага в низину. В сырой от тумана траве набрякли влагой сапоги. Идти становилось все тяжелее. Кругом в сером туманном мареве лежала весенняя земля.

Шварц-Чернов молчал, то и дело бросая из-под козырька быстрые взгляды по сторонам. С высоты изредка доносились выстрелы – то автоматные, то винтовочные, но они только свидетельствовали о затишье на передовой. Боя там не было. Неопределенная тишина под высотой поразила лейтенанта угрюмой неизвестностью. Думалось: «Что там случилось? Где рота?» Но оттого что он шел ближе к своим, становилось все-таки легче на душе, хотя он знал, что помочь ему тут никто уже не сможет.

Знакомой тропинкой они вчетвером дошли до начала траншеи, что, извиваясь по склону, вела на высоту. Шварц-Чернов спрыгнул в траншею – тут она была неглубокой – и быстро пошел, по-прежнему поглядывая по сторонам. Впереди еще

Западня. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
раздалось несколько выстрелов, сверху с тугим жужжанием, замирая вдаль, пронеслись пули. Но это были наши выстрелы и наши пули. Сердце пленного отозвалось на них тихой печальной радостью.

Вскоре Шварц-Чернов догнал группу солдат с поднятыми воротниками и натянутыми на уши пилотками. Они прижались спинами к стене, почтительно пропуская офицера. В руках у них были плоские алюминиевые котелки, – видно, с завтраком. На Климченко пахло запахом кофе, и от внезапного ощущения голода у него помутилось в глазах.

Под враждебно-любопытными взглядами притихших солдат он пошатнулся, по-прежнему придерживая брюки, – темно-синие диагональные галифе.

Траншея петляла изгибами и все дальше и дальше взбиралась на высоту. Шварц-Чернов начал понемногу пригибаться: где-то уже совсем близко были наши. Климченко гнуть голову перед своими не хотел, раза два выглянул из-за бруствера, но кто-то из конвоиров сзади прикрикнул, и Шварц-Чернов зло оглянулся на него.

– А ну ниже! – строго сказал он.

Климченко позлорадствовал в душе над этой заботой о его безопасности. В то же время его недоумение от необычности намерения этого палача все возрастало, и как он ни старался, не мог сообразить, что с ним порешили сделать. «Может, все-таки агитировать заставят? Так я им поагитирую! Запомнят, собаки!»

Но агитировать ему не пришлось.

Минуя удивленных его появлением, мерзнувших в застланных соломой стрелковых ячейках немцев, они взобрались по траншее на самую высоту – чуть ли не в то место, куда он так неудачно ворвался вчера. Где-то совсем близко, видно в том же самом овраге, была его рота, и ощущение этой близости вызвало нестерпимую тоску по всему родному, которое было для него навсегда утрачено. Как о наивысшем счастье, мечтал он хотя бы один день провести там, хотя бы в одну атаку сходить вместе со всеми. Он бы не ругал теперь этого нерасторопного и неуклюжего, но, по существу, совсем неплохого Голаногу, готов был забыть все обиды на ротного. Он бы пошел теперь с ними в любой бой, в самое пекло, лишь бы оказаться среди своих. Где-то внутри шевельнулась в нем жалость к себе за такой нелепый и неудачный конец.

Они подошли к пулеметной ячейке, которая ближе других была к оврагу. Из ячейки выглянул молодой пулеметчик небольшого роста, ладно сбитый крепыш в длинной, выпачканной глиной шинели. Шварц-Чернов что-то сказал ему. Пулеметчик, оставив на бруствере свой МГ с лентой в приемнике, удивленно посмотрел на пленного, потом окликнул кого-то, очевидно соседа по траншее. Тот прокричал что-то дальше... Около них, скупно переговариваясь, собрались солдаты. Задымили сигареты, и сладковатый, хмельной на холодном воздухе дым закружил Климченко голову.

Шварц-Чернов терпеливо ждал, а у Климченко все внутри сжалось: он чувствовал, что вот-вот настанет развязка.

Наконец тот, кого ждали, пришел. Это был толстенький, заспанный, небритый офицер. Недовольно и бесцеремонно уставясь на пленного красноватыми, кроличьими глазами, он выслушал Шварца-Чернова, буркнул свое «яволь» и хрипловато что-то приказал солдатам. Те передали приказ по траншее.

– Ну иди! – затаив что-то явно недоброе, кивнул гитлеровец Климченко. Лейтенант почувствовал, что тот, самый последний для него час настал, и был готов, как подобает, встретить его.

Но он не понял своего палача.

– Куда?

– Вылезай. Иди. Туда, к своим. Ты же хотел, кажется?

– Как к своим?

– Очень просто. Вылезай и топай. Чего испугался? Или, может, не хочешь?

«Что он затеял? – лихорадочно размышлял Климченко. – Что он еще подготовил?

Смерть? Это понятно, но почему именно такую? Ну что ж... Пусть! Может, даже так и лучше – на поле боя, на глазах у своих... Пусть!»

Лейтенант шагнул мимо Шварца-Чернова и грудью ткнулся в бруствер. Траншея была тут глубокая, а руки Климченко были заняты брюками, и он сорвался, ударившись подбородком. Это было унизительно: сзади, сдерживая любопытство, стояли немцы, сопели, кашляли, топали сапогами – все глядели на него, и он в совершенной беспомощности вдруг растерялся. Тогда молодой крепыш-пулеметчик, чью ячейку они заняли, щелкнул пряжкой своего ремня и, сняв его с длинной шинели, подал Климченко. Мучаясь от стыда и унижения, лейтенант даже не взглянул на него, машинально подтянул и туго подпоясал брюки. Потом, напрягшись каждым мускулом, он оперся грудью о бруствер и вылез из траншеи.

– Зондерпривет коллегам! – с ухмылкой бросил ему напоследок Шварц-Чернов.

Впереди распростерлась необъятная, притуманенная ширь поля, близкий, у подножия

высоты, овраг, покатым склоном с полегшей стерней и уходящая под самое небо весенняя даль. Это предсмертное приволье неудержимой тоской резануло сердце. Клименко не мог ни понять, ни почувствовать даже откуда: то ли из этого серого, печального, но такого до боли родного и свободного простора, то ли, может, из самой его исстрадавшейся души – вдруг загремел в нем где-то внутри удивительно чудесный хорал вечного, величественного и почти святого, перед чем человек и все его заботы были бессмысленны и ничтожны. В какой-то короткий миг Клименко почувствовал себя муравьем и богом одновременно, будто с порога вечности на секунду заглянула в его лицо великая, не познанная в жизни сущность бытия. На несколько коротких секунд, утратив собственное ощущение, как бы растворившись в небытии, он вознесся над этим простором, над огромной искривленной землей, траншеей, оврагом и даже собственной скорой гибелью. Правда, мимолетный взгляд туда, назад, в одно мгновение низвергнул его к земле, к смерти, и он, отсчитывая последние мгновения, шагнул с бруствера.

Потом медленно, уже реально ощущая себя и все земное вокруг и прощаясь с жизнью, он пошел от траншеи в поле, вниз к оврагу, ожидая всем телом очереди или, может, залпа и зная, что все кончится как нельзя более просто. Смерть слишком простая штука, на войне он убедился в этом и давно не боялся ее. Ему только хотелось теперь не прозевать последний миг, отметить его, как точку, как последнюю грань жизни.

Но выстрелов сзади все не было, и он шел дальше. Ветер тугим волном толкал его в грудь, лохматил на голове волосы и концом бинта хлестал по щеке. Клименко сорвал его и вместе с окровавленным комком ваты отбросил в сторону. Цепляясь за жнивье, повязка запрыгала на ветру.

«Ну стреляйте! Стреляйте же, сволочи!.. Где же выстрелы?» – молил он.

Выстрелов, однако, не было. Тогда Клименко остановился, выждал, оглянулся. Вдоль всей траншеи над бруствером торчали, шевелились каски, стволы винтовок, короткие дула автоматов. Видимо, то, что он остановился, не входило в их расчеты, и несколько голосов закричало:

– Рус, шнель! Дом, дом шнель! Рус пуф-пуф! – Потом раздался хриплый солдатский хохот.

«Почему же они не стреляют? Почему не убивают? Чего медлят?» Удивление исподволь начало перерастать в тревогу, которую уже не могло заглушить и безнадежное ожидание смерти. Встревоженный, он почувствовал, что все не так просто, что Шварц-Чернов что-то затеял – не худшее ли, чем сама гибель? Возбужденный и озадаченный, он был не в силах сообразить, что происходит. Он лишь чувствовал опасность сзади, все дальше отходил от нее и невольно прибавил шаг. В то же время он был твердо уверен, что с этого склона они не выпустят его живым. Может, впереди минное поле? Может, ударит вчерашняя автоматическая пушка?

И он шел. Вот уже и дорожка с бурьяном в канавках, рядом распластанное тело в шинели – кто-то ихний. Но Клименко даже не взглянул на труп. Неподалеку второй – с взъерошенными на спине остатками вещмешка. Лейтенант узнал гармониста и запевалу Прошина.

Он все быстрее шагнул вниз, вниз к оврагу и, напрягаясь каждым нервом, ждал. Но там, на высоте, молчали. До него долетали лишь бессвязные чужие голоса и хохот.

Наконец он отошел настолько, что убить его первыми выстрелами было уже не так легко. Он снова оглянулся – нет, за ним не бежали. И тогда все его существо вдруг окрылило желание: «Жить! Жить! Жить!» Пригнувшись, он рванул что было сил вперед, побежал сверху вниз по полю, шатко, неуверенно, от слабости почти не управляя телом и все время ожидая, как какого-то оправдания, как исхода мучительной неопределенности, выстрелов оттуда, с высоты.

Но выстрелов не было. Ни одного. Ниоткуда. Высота замерла, притаилась, стихла. Тогда его внезапно охватил мгновенный, не осознанный еще страх. Он споткнулся – ослабевшие ноги не держали его. Бессмысленным, блуждающим взглядом лейтенант глянул вниз, где уже так близко было спасение, и: остановился как вкопанный.

По всему берегу оврага, из траншей и окопчиков-ровиков торчали каски, шапки автоматчиков. Он не видел еще ни их лиц, ни взглядов, но что-то страшное вдруг подсознательно передалось ему. И он отчетливо, как это может быть только за секунду до смерти, понял, что и для этих людей он почему-то стал врагом.

Это новое открытие ошеломило его. Что-то в нем сразу надломилось. Ноги сами рванулись в сторону. Не зная и не понимая, что случилось и что делать дальше, он обежал по стерне кривую – безвыходную замкнутую петлю, – еще раз увидел молчаливую высоту и тогда окончательно понял, что произошло.

Клименко опустил руки; голова его бессильно поникла на грудь. Шатаясь от ветра, он медленно побрел в овраг. Там увидел чьи-то руки на свеженарытой земле, пустые закопченные гильзы, рассыпанные в сухой траве, клочок газеты, прибитый ветром в бурьяне. Дойдя до обрыва, он немного боком, чтоб не свалиться, ступил в него, потом, едва держась на ногах, сошел вниз. Рядом были люди. Они все

Западня. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru молчали. Из-под ног лейтенанта сыпался и шуршал по обрыву гравий. Потом в поле зрения Клименко попали знакомые валенки с желтыми старыми подпалинами, и он, вздрогнув, поднял голову: напротив стоял Орловец.

Страшное, черное от густой щетины лицо ротного, на котором бешено горели глаза, не удивило его и не испугало. Лейтенант онемело и безразлично взглянул в гневную пропасть его зрачков. Он не удивился также, когда в следующее мгновение с нестерпимым звоном в ухе полетел на землю. Молча, затаив дыхание от боли в голове, он медленно встал и изо всей силы, еще сохранившейся в нем, ударил ротного. У него не было уже ни злости, ни обиды, было только прежнее постоянное ощущение беды, которая так несправедливо обрушилась на него и скинуть которую просто уже не было возможности. Он молча ждал за этим ударом другого – более сильного или, может, выстрела – в грудь или спину. Сзади и по сторонам стояли бойцы. Кто-то из них зло крикнул:

– Предатель!

Он ждал этого выкрика, оправдываться у него не было сил, да он и не находил слов, чтобы опровергнуть эту чудовищную несправедливость. Впервые со всей ясностью он понял коварный замысел Чернова-Шварца и с новой силой почувствовал, что действительно смерть теперь для него – роскошь.

Но почему молчит, не стреляет в него Орловец, чего он ждет, непонятным окаменевшим взглядом уставившись в его лицо? Лейтенант поднял глаза и, встретившись с этим взглядом, вдруг неожиданно для себя увидел в нем почти что растерянность. Показалось, что ротный обо всем уже догадался, прочитал на окровавленном лице лейтенанта его страшную беду, и теперь ему оправдываться уже и не надо. Тотчас в душу хлынула нестерпимая обида, Клименко расслабленно опустился на землю, зажал меж колен лицо и выдавил из себя полный отчаяния и боли стон:

– Братцы мои!..

Больше он ничего сказать уже не мог. Кругом гневно гудели бойцы.

– Ти-хо! – покрывая гомон, вдруг крикнул Орловец. – Молчать! Коли ни черта не понимаете!..

Тогда бойцы, видимо что-то почувствовав, сразу притихли. Клименко услышал ругань и угрозы уже по адресу немцев. В безысходном отчаянии он затаил дыхание, стараясь заглушить в себе свое горе, и услышал поблизости знакомый, такой рассудительный, родной голос Голаного:

– Что ж, сынок! Что теперь сделаешь! Стерпи! Как-нибудь!..

Эти сочувственные тихие слова пожилого человека, с которым у лейтенанта бывало всякое – и плохое и хорошее, неожиданно словно восстановили в его душе что-то сдвинутое, сбитое несчастьем со своего обычного места. Может, в этих словах отразился тот трудный всегдашний Голаного, терпеливый и добрый, с которым немало поборолся Клименко, и лейтенант теперь внутренне рванулся в протесте против этого «как-нибудь». Он не хотел «как-нибудь»: либо он будет прежним для них, либо никаким.

Протест превозмог все другие чувства. Клименко с новой силой, с окрепшей вдруг злостью вскочил. Жажда доказать свою невиновность неудержимо вспыхнула в нем. Казалось, он нашел выход. Минуту назад метавшийся, как в обмороке, он решился на единственно верное, избавительное... Он быстро вскочил – глаза его пылали бешенством, – рванулся к Голаного и дернул за дуло его автомат:

– Дай!

Голаного бессмысленно моргнул запавшими, усталыми глазами, но в следующую секунду опустил руку, снял с плеча автомат и отдал его взводному. Клименко, будто обезумев, рванулся по склону из оврага и по nive устремился туда, вверх, к высоте.

Сзади было тихо-тихо. Он не оглядывался и не слышал ничего: на мгновение все на обрыве будто онемели, и никто не задержал его, не выстрелил, только через секунду кто-то выругался и затем над оврагом взвился зычный молодой голос телефониста Капустина:

– Сволочи! Это все они, сволочи!..

Как-то подспудно лейтенант ждал чьего-то сочувствия, жаждал его, сам себе признаваясь в этом. Горячая расслабляющая волна окатила его с головы до ног, и Клименко вдруг почувствовал, что ожил, воскрес, что появилась надежда. А сзади уже затопали ноги бегущих бойцов, – значит, его не бросили, поверили ему, – все это быстро возвращало его к жизни. Теперь перед ним были только немцы, был проклятый Шварц-Чернов, и все в нем устремилось туда – к отмщению, либо к смерти.

Столь же быстро вдруг все оборвалось.

– Отставить! Стой! Назад! – долетел откуда-то сзади крик Орловца, и уже почти что выстроенная на бегу цепь дрогнула.

Западня. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Климченко, назад! Все назад! Бегом!

«Что это? Что это? Почему? Зачем?» – вдруг снова все запротестовало в нем. Но за несколько последних минут он уже успел стать частью целого, и теперь, как и все, он обязан был подчиниться этой команде. И Климченко упал. Немцы еще не стреляли, но слаженный бег десятка людей, кинувшихся за ним, уже нарушился. Некоторые попадали, а другие побежали обратно в овраг, на краю которого стоял Орловец.

Отдавшись щемяще-тревожному чувству, Климченко встал и, волоча за ремень автомат, пошел полем вниз.

8

Климченко дошел до края оврага, где скрылся командир роты, и увидел его уже внизу, у ручья. С ним стоял офицер в белом полушубке с пистолетом в опущенной руке. Оба они настороженно смотрели на лейтенанта.

Почти физически ощутив что-то враждебное в этом ожидании, Климченко медленно спускался с обрыва. Обессиленный, растревоженный, в неподпоясанной гимнастерке, без шапки, с взлохмаченными ветром волосами, он снова, и особенно остро, почувствовал свою униженность и свою беду. И все же это было еще не самое худшее. Самое худшее произошло, когда в человеке с пистолетом в руке он вдруг узнал капитана Петухова, офицера из штаба полка.

Будто вкопанный, разрыв каблуками суглинок, лейтенант остановился.

– Пойдешь в трибунал! – злобно сказал Петухов.

– За что? – тихо, про себя, спросил Климченко кого-то, но никто не ответил ему, и тогда он выкрикнул громче: – За что?

И опять ему никто не ответил – ни Петухов, ни Орловец, который, сдвинув костлявое надбровье, хмуро глядел куда-то в сторону, ни автоматчики, что встали на обрыве почти по всему склону и также следили за ним. Тогда он вздрогнул, поняв, что западня за ним навсегда уже захлопнулась.

– За что? За что? – закричал он, едва удерживаясь на голом крутом обрыве. – За что? Капитан, скажите.

– Ладно, Климченко! Разберутся, – незлобиво сказал Орловец, сделал шаг навстречу, но потом снова вернулся назад и стал в стороне от Петухова.

«Разберутся!..» Он уже знал, как это иногда бывало. К тому же он увидел, как Петухов, приподняв пистолет, снял курок с предохранителя.

Климченко медленно опустил руку, автомат на ремне стукнулся прикладом о землю, и он впервые почувствовал его тяжесть. В это время он ясно осознал, что последняя его надежда оборвалась и все кончено.

– Ты победил, сволочь! – сказал он, будто в тумане увидев перед собой ледяные глаза Шварца-Чернова. Сказано это было совсем тихо, но в той тишине, которая воцарилась в овраге, его слова были услышаны, и Петухов с властной решимостью махнул рукой:

– Взять его!

Два сопровождавших Петухова бойца из комендантского взвода неохотно полезли на обрыв. Видно было, что они побаивались Климченко и все время настороженно поглядывали на него. Лезть по кособокому было неудобно, бойцы срывались и падали, опираясь на руки. Климченко, стараясь как можно быстрее на что-то решиться и боясь, что не успеет сделать этого, негромко крикнул:

– Стой!

Бойцы разом остановились, один опустил на колено, второй стоял, широко отставив в сторону ногу. Климченко немного знал их: когда-то в Дворищах вместе они отбивали вражескую атаку, спасали штаб полка и полковое знамя, которое тогда едва не попало к фашистам. По нахмуренному выражению курносых лиц было видно, что хлопцам не очень хотелось ввязываться во все это дело.

– Стой, хлопцы! – уже мягче сказал Климченко.

Он начал успокаиваться и, чем дальше, тем все отчетливее понимал: что вокруг происходит и что надо делать. Это придало ему уверенность, он обрел душевную слаженность – способность победить что-то непобедимое в себе. Но в это время Петухов что-то крикнул бойцам и скорым шагом направился к обрыву.

За ним шагнул Орловец:

– Пойдите! Вы что? У меня в девять ноль-ноль атака! Вы соображаете или нет?

Петухов не взглянул на ротного, сквозь сжатые зубы бросил:

– Трибунал сообразит!

Это было сказано только для Орловца, но в тревожной тишине оврага Петухова услышали все, и в груди Климченко что-то безнадежно дрогнуло. На минуту в нем блеснула и погасла невольная признательность к ротному. Но тут же явилась мысль: «Нет, не надо! Не спрашивай! Бесплезно!..»

Петухов долез до крайнего бойца и с упрямой суровостью на мясистом лице толкнул его в шею. Парень упал на колени, встал и полез выше. И в то иже время Климченко

Западня. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
необыкновенно обостренно ощутил, неизбежный, казалось, никем уже не отвратимый конец.

Чтоб не передумать, не дать в себе ослабнуть чему-то, как ему показалось, предельно ясному и единственно возможному, он перехватил рукой автомат и приставил его будто специально для того скошенный дульный срез к своей груди.

– Стой! С ума сошел, что ли?!

Но Голанога, стоявший сбоку и зорко следивший за ним, вдруг с силой дернул автомат.

Климченко застыл в смятении. Действительно, это было ужасно, нелепо – убить себя, коли тебя не убили немцы! Медленно созревшая его решимость была поколеблена. Но что же делать? Как быть дальше?

Лейтенант выпустил автомат, который тянул к себе Голанога, и растерянно оглянулся – по склону оврага, тревожно уставившись на него, стояли бойцы. Он так ничего и не решил, как вдруг где-то за оврагом гулко ударило в воздухе – раз, второй... В пасмурном небе над головами автоматчиков с тугим шорохом прошли снаряды и, крикнув, разорвались над высотой. Через несколько минут предстояла атака.

Орловец торопливо взглянул на часы и решительно шагнул к Петухову:

– Ты вот что! Кончай!

Петухов недоуменно оглянулся:

– Вы что?

– А ничего. Убирайся к чертям! У меня атака! – мрачно сказал Орловец и, не дожидаясь ответа, зычно подал команду: – Командиры взводов – по местам!

– Ах так! – круто повернулся к нему Петухов. – Покрываешь? Кого покрываешь? Ты ответишь за это!..

– Ну и отвечу! – через плечо бросил Орловец. Видно было: он едва сдерживал себя. В другое время он ни за что не стерпел бы вмешательства в дела роты. Но теперь в роте произошло ЧП, и тут во многом он чувствовал себя скованным.

Орловец снова взглянул на часы и затянул ремень на своем полушубке. Потом, будто только заметив на склоне отчужденно-растерянного Климченко, прикрикнул на него строго и буднично:

– Чего встал? А ну марш к взводу!

Климченко обмер – так неожидан был для него этот, в сущности, такой обычный приказ. Лейтенант недоуменно поглядел на Орловца: к нему ли тот обращается? Но ошибки не было – ротный обращался к нему: сказал и пошел по ручью вверх на середину цепи, будто сразу позабыв и о нем, и о Петухове, который, с угрюмой яростью, оступаясь, быстро пошел прочь по оврагу.

С громко стучащим сердцем Климченко повернулся к взводу.

На высоте грохотали разрывы, вверху в мартовском небе яростно выло и шипело. Бойцы докуривали сигарки и, охваченные новой заботой, торопливо располагались в цепь на краю оврага. Он тоже взобрался по обрыву наверх и лег между бойцами. Еще не веря, что все обошлось, что самая большая беда миновала, и предчувствуя впереди трудное, лейтенант постепенно приходил в себя.

Впрочем, времени у него было немного, командиры взводов в цепи уже подавали команды.

Тогда и он, приподнявшись на краю обрыва и несколько громче, чем было необходимо, дрогнувшим от волнения голосом крикнул:

– Взвод, приготовиться к атаке!

Кто-то сунул ему автомат, кто-то торопливо скинул с себя и отдал ему телогрейку. С молчаливой благодарностью в душе лейтенант оглянулся и увидел, как несколько в стороне над оврагом поднялась кряжистая фигура Орловца. Ротный достал из-за пазухи пистолет и, взмахнув им, вышел из-за обрыва.

Рота автоматчиков начинала атаку...
1964 г.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://bykovvasil.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!